

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/141-156

Научная статья

© С. А. Иникова

ДУХОБОРЦЫ В ЛИФЛЯНДИИ: ЖИЗНЬ В ССЫЛКЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Статья посвящена изучению истории ссылки представителей секты духоборцев в Лифляндскую губернию на о. Эзель и в Динаминдскую крепость в конце XVIII в. Документы, извлеченные из архивов России, Эстонии и Украины, позволяют всесторонне показать ссылку как репрессивную меру, широко использовавшуюся государством в XVIII в. для решения проблем, связанных с религиозным инакомыслием. На примере духоборцев рассмотрены все этапы применения ссылки, начиная от совершения преступления, которое заключалось в антицерковных и антигосударственных высказываниях, в организации «сборищ», совращении в духоборческую веру православных, и последующей деятельности российской пенитенциарной системы. В статье показаны экономические и бытовые стороны жизни ссыльных духоборцев, особенности их поведения, взаимоотношения с местным начальством. Автор обратил внимание на те аспекты законодательства и правоприменительной практики, которые были нацелены не только на наказание, но и на исправление и возвращение вероотступников в лоно православной церкви, игравшей важную роль в этом процессе.

Ключевые слова: духоборцы, религиозное инакомыслие, законодательство, ссылка, Лифляндская губерния

Ссылка при цитировании: Иникова С. А. Духоборцы в Лифляндии: жизнь в ссылке и освобождение // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 141–156.

Иникова Светлана Александровна — к. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: inikova_svetlana@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

* Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательской работы Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Статья является продолжением опубликованной в предыдущем номере журнала первой части исследования: Иникова С. А. Духоборцы в Лифляндии: путь на остров Эзель и поселение // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 181–197.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/141-156

Original article

© *Svetlana Inikova*

DOUKHOBORS IN LIVONIA: LIFE IN EXILE AND RELEASE

The article is devoted to the history of the Doukhobor sect members' exile to Livonian province, to the Ezel island (nowadays Saaremaa) and to the Dynamind Fortress in the late 18th century. The documents from the archives of Russia, Estonia and Ukraine comprehensively show exile as a repressive measure, widely used by the state in the 18th century to solve problems related to religious dissidents. The study uses the example of the Doukhobors to examine all stages of exile, starting with the crime itself, which consisted in anti-church and anti-state statements, organization of gatherings, seduction of Orthodox Christians into the Doukhobor faith, and then subsequent activities of the Russian penitentiary system. The article describes the economic and daily life of the exiled Doukhobors, their behavior, and their relations with the local authorities. The author highlights those aspects of legislation and law enforcement practices, which were aimed not only at punishment, but also at the reformation and return of apostates to the bosom of the Orthodox Church, which played an important role in this process.

Keywords: *Doukhobors, religious dissent, legislation, exile, Livonian province*

Author Info: **Inikova, Svetlana A.** — Ph.D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: inikova_svetlana@iea.ras.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

For citation: Inikova, S. A. 2023. Doukhobors in Livonia: Life in Exile and Release. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 141–156.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

The article follows the first part of the study published in the previous issue of the journal: Inikova, S. A. 2023. Doukhobors in Livonia: the Way to the the Ezel Island and Settling. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 181–197.

В мае 1793 г. группа духоборцев из Екатеринославского и Харьковского наместничеств¹, обвиненных в антицерковных и антигосударственных высказываниях и вовлечении в секту православных людей, после длительных увещаний священниками, допросов в земском суде и вынесения приговоров, утвержденных императрицей,

¹ Слободско-Украинская губерния носила это название с 1765 г. по сентябрь 1780 г., с сентября 1780 г. и до конца 1796 г. — это Харьковское наместничество, с декабря 1796 г. опять Слободско-Украинская губерния Екатеринославское наместничество существовало с 1783 по 1796 г., а с 1796 по 1802 г. оно называлось Новороссийской губернией. При переименованиях несколько изменялись и территориальные границы.

прибыла в ссылку в Лифляндскую губернию на о. Эзель (ныне Сааремаа). Отправляя колодников на Эзель, высшая власть в Петербурге не смогла четко сформулировать, будет ли это ссылка в каторжные работы или на поселение, как и чем материально обеспечить этих людей. Тридцать пять человек взрослых и пятерых младенцев было решено поселить на казенной мызе Ганпус. Двое самых дерзких духоборцев, прибывших вслед за этой группой, были заключены в крепость г. Арнсбурга под строгий надзор. На Эзеле духоборцам предстояло прожить неопределенно долго, а может быть и всю жизнь.

Жизнь на Эзеле

Группа Федора Кухтина, встретив некоторое сочувствие со стороны сопровождавшего их во время этапирования капитана Корнеева, а по прибытии на остров — лифляндского губернатора Б. И. Кампенгаузена, взяла за правило не конфликтовать с местной властью и выполнять предъявляемые ею требования. Вскоре после прибытия, наблюдая за духоборцами, вероятно, даже беседуя с ними, Кампенгаузен в донесении рижскому и ревельскому военному генерал-губернатору кн. Николаю Васильевичу Репнину (1792–1794) высказал свое положительное мнение о них: «Помянутые раскольники приведены сюда закованные в цепи, но как скоро они придут на казенную мызу для работы, то я велю оные цепи с них снять и для большого ободрения поступать с ними совершенно как с свободными людьми, потому что я, судя по тому, что мною в краткое время в них примечено, не сомневаюсь, что по крайней большею из них частию можно будет управлять без строгости и снисходительною ласкою» (ЦГИАЭ: 27 об.). Кампенгаузен не воспринимал духоборцев как обычных преступников и не собирался истязать их неприемлемыми требованиями.

Репнин во время посещения Эзеля, скорее всего, тоже видел прибывших и, очень вероятно, беседовал с ними. Он написал 25 июня 1793 г. довольно пространное письмо генерал-прокурору Сената А. Н. Самойлову (1792–1796) и сочувственно отозвался о духоборцах: «Сии люди, которых я в бытность мою на том острове сам видел, достойны сожаления; они как совершенно во всем послушны повелениям правительства, так повинуются во всем же приставленным к ним смотрителям при употреблении их в работы, которые они, как и прежде я имел честь к вам писать, там исправляют, а по несчастию попались только в умствования и в особые толкования и понятия священных книг, как и прочие наши раскольники, и хотя я не входил в подробность их мнения, но по их кроткому поведению жаль мне, что они не были доведены до Санкт-Петербурга, где по изследовании об них, может быть, то бы им в пользу обратилось. Сверх того, есть между ними и такие, которые довольно времени продолжали военную службу, иные еще в прежде бывшую турецкую войну, а другие в последнюю были под Очаковым, Измаилом и Каушанами, некоторые из них ранены и имеют медали, коим здесь особую записку включаю. Все сие доказывает, что они не отрицались служить отечеству, и как прочие сию обязанность исполняли» (ЦГИАЭ: 57–57 об.).

Н. В. Репнин и А. Н. Самойлов участвовали в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1792 гг., причем Репнин сыграл значительную роль в одержанных русской армией победах. То, что среди сосланных оказались геройски воевавшие, возможно, даже рядом с ним, люди, не могло не тронуть генерал-губернатора. Кроме того,

Репнин был ревностным масоном, и хотя нам неизвестно, был ли он мистиком и последователем учения о внутренней церкви, как его друг И. В. Лопухин, позже сыгравший большую роль в судьбе духоборцев, но Николай Васильевич не мог не заметить, что ссыльные исповедовали это популярное среди масонов учение. В его словах чувствуется искреннее сожаление об этих людях. Как-то помочь им он вряд ли мог, потому что лишился благосклонности императрицы из-за подозрения в причастности к деятельности масона и книгоиздателя Н. И. Новикова (арестован в 1792 г.), и назначение на должность рижского и ревельского генерал-губернатора было «почетной ссылкой» (Масловский 1998: 113).

В особой записке, о которой упоминал Репнин, указаны участвовавшие в русско-турецких войнах духоборцы, причем некоторые из них имели награды. Отставной казак вахмистр Кирила Колесников в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. был ранен при взятии Перекопской линии в 1771 г. и имел медаль «На заключении мира с Портою 1774 года июля 10-го дня». Медаль «На заключение мира...» получили пикинеры Петр Сухачев и Петр Криворученко, участвовавшие в той же войне. Под Измаилом и Каушанами в следующую русско-турецкую войну 1787–1791 гг. воевали казаки Кирила Блудов (был ранен), Иван Барбин, Архип Баев, Федор Кухтин, Александр Блудов, Матвей Баев, а первые четверо были и под Очаковым, за взятие которого Кирила Блудов получил медаль за храбрость (ЦГИАЭ: 48).

Духоборцы, поселенные на мызе Ганпус, жили общиной, вели себя тихо, старательно пытались вырастить урожай на тощей, каменистой земле. Поскольку их труды не давали результата, со временем они построили несколько «маловажных» домов в Аренсбурге и, видимо, жили в них по несколько семейных и одиноких людей в каждом, занимаясь ремесленными промыслами. Землю, однако, не бросали, не желая осложнять отношения с властями и надеясь, что может быть смогут принорочиться к новым хозяйственным условиям. Братья Блудовы, очевидно, самые состоятельные, имели не только хороший дом, но и первоначальный капитал и занялись «сыромясным ремеслом». Проживание в городе было незаконно, но администрация старалась не замечать этого, поскольку Кампенгаузен изначально предупреждал вышестоящее начальство, что земля не прокормит 40 человек и надо будет разрешить им заниматься промыслами внутри острова.

Немного обжившись, эта группа принимала в свои дома тех единоверцев, которых присылали на Эзель после них. Когда в 1794 г. на остров прибыли трое казаков-духоборцев из с. Петровское Харьковского наместничества Сергей Паламарев (он же Попов), Яков Перегудов и Иван Трубицын (он же Сукрутов), духоборцы-старожилы взяли их к себе в дома. Администрация острова планировала поселить казаков на малодоходной казенной мызе Тиримец, которая должна была освободиться в 1798 г., а до тех пор платить им по 10 коп. в день, но когда подошло время обособиться на земле, выяснилось, что в силу возраста ссыльные казаки обрабатывать ее не смогут, да и часть земли уже ушла в другие руки. Павел I приказал продолжать платить им по 10 коп. (ОР РНБ: 44 об.–45; РГАДА 2: 33–33 об.).

Ссылка предполагала запрет на право переписки, и отсутствие связи с семьей, с родными было дополнительным тяжелым наказанием. Иван Барбин, в отличие от большинства других прибывший в ссылку без родственников, постарался войти в доверие к премьер-майору Ф. И. Стерншанцу, через которого надеялся установить связь с семьей. Его письмо, переданное Стерншанцу, датировано 14 февраля 1796 г.

Большая часть письма состоит из обязательного для такого рода посланий уважительного перечисления по именам и отчествам родных и передачи всем поклонов. О себе и своей жизни автор написал очень скупое: «Я же о себе почтенейше доношу, что по сей час властью всевышнего в [...] ¹ живых обретаюсь Ригского наместничества при городе Аренсбурге поселены в уезде от крепости в 15-ти верстах при мызе Анбиксе², мыза здесь называется то, что бывшая у помещика в найме казенная земля, отобрав, отдана нам со всеми угодьями, то есть пахотною землею, сенокосом и лесом». А далее пронзительные строки о разлуке, страхе забвения и надежде на встречу: «Любезные родители Дмитрий Платонович, Катерина Яковлевна, Никифор Максимович и Дарья Ивановна, так же сожительница моя Агафья Никифоровна, не подумайте, что б я в несчастиях моих вас позабыл, а я вас, могу сказать, что повсечасно в памяти содержу, почему и вас прошу меня также из памяти вашей не выключать, а при том и не думать, что я вечно с вами разлучился, но мы, уповая на бога, имеем некоторую надежду возвратиться по прежнему» (РГАДА 2: 114–114 об.).

Письмо Стерншанцем отправлено не было.

Совершенно по-другому складывалась жизнь в ссылке Т. Сухарева и М. Щирова. Их непокорность и фанатичная вера, нежелание идти на какие-либо компромиссы с властями даже в малом, проявленные ими еще в Петербурге, вылились в острое противостояние с комендантом крепости и охраной. О них в письме к Самойлову от 25 июня 1793 г. Репнин сообщал: «Напротив того присланных из Харьковского наместничества села Больших Проходов двух однодворцов нашел я действительно так ожесточенных, что они не только не признают никакого начальства, но даже работать без крайняго принуждения вовсе не хотят; почему их, как ожесточенных и никакой власти не повинующихся, а чрез то и вредных обществу, думаю я, должно строже содержать, и отнюдь ни с кем ни до какого обращения не допускать» (ЦГИАЭ: 57 об.–58).

Мнение его было доведено до сведения императрицы. Екатерина II назвала Щирова и Сухарева «злонравными» и в письме на имя Репнина от 25 июля 1793 г. повелела «наказать за их непослушание надлежащим образом, определить в работу под строгим присмотром» (ЦГИАЭ: 62). Но чем строже обращались с Щириным и Сухаревым, тем упорнее было их сопротивление. Эти два колодника содержались в крепостной тюрьме и не могли общаться даже со своими единоверцами. Кампенгаузен и аренсбургский комендант Кнутцев, наблюдавшие за ними, сообщали генерал-губернатору Репнину и в Тайную экспедицию, что эти двое не хотели получать от казны даже пищу, а брали только то, что заработают, но работать они хотели вольно, без охраны. Чтобы они не умерли от голода, им давали провиант под видом милостыни, но они брали его только тогда, когда им показывали, кто его принес. Священника к себе не допускали и утверждали, что они «чада божии, а не подданные какой-либо власти». И далее: «Ни ласкою, ни же жестокостию не могли быть принуждены работать; бросаются на землю, ведя наинепрестойнейшия и опаснейшия речи; и когда бывают палками биты, сносят удары, не двигая ни руки, ни ноги и не отступя от места; при каждом же случае просят их казнить смертью, не дорожа ни мало жизнью своею» (ОР РНБ: 42 об.–43об.). Состояние, в которое эти двое впадали в случаях принуждения, можно назвать аффектом.

¹ Слово написано неразборчиво.

² В другом документе из этого же дела это слово читается как Амбенса.

Не лучше оказалось положение Аникея Сухарева, отправленного в Соловецкий монастырь. Видимо, там он вел себя так же, как эти двое, и через два года умер (РГАДА 1: 14).

Новый император и новые ссылки. Восшествие на престол Павла I (ноябрь 1796 г.) сильно изменило положение вновь ссылаемых и уже сосланных на о. Эзель духоборцев. Поначалу император проявил вполне терпимое отношение к религиозным диссидентам. Когда в ноябре 1797 г. Павлу I сообщили о группе обнаруженных в с. Салтовое Терновое Слободско-Украинской губернии духоборцах, император распорядился: «Доколе не выходит ничего гласного и вредного, то оставить их в покое» (РГАДА 2: 34 об.–35).

Однако до его сведения была доведена информация о том, что во время увещевания, когда священник, уговаривая духоборцев почитать иконы, для убедительности сослался на то, что его императорское величество тоже крестится, поклоняется и почитает иконы, духоборцы в ответ заявили, что его величество не может быть им примером, поскольку он, как передали Павлу I, «такой же как и они: единой кости, одинаго тела, единой души и истлеете так же» (РГАДА 2: 34 об.–35).

Честолюбие императора было уязвлено и 30 января 1799 г. он повелел духоборцев «с их семействами и со всем имуществом отправить Лифляндской губернии на остров Эзель для поселения, дабы они, будучи там между иноверцами, не могли далее соблазнять и привлекать правоверных к вредному своему единомыслию» (РГАДА 2: 36). Это был первый случай, когда семьи духоборцев ссылали на поселение с детьми, которых до этого у них отбирали, а также с имуществом.

Из Харькова Слободско-Украинской губернии на Эзель 19 марта 1799 г. были отправлены 15 семей, а всего 51 человек. Еще во время содержания в остроге и потом во время отправки эти духоборцы «оказывали грубости и упрямство», правда, слоборско-украинский губернатор не уточнил, в чем это выражалось (РГАДА 2: 45 об.). Путь их лежал через Сумы, Глухов, Стародуб, Мглинск (Мглин), Мстиславль и Витебск. Отправили их под присмотром прапорщика Уткина и двух солдат.

Впервые духоборцы ехали в ссылку с сундуками и хозяйственным скарбом. Вещи в сундуках были описаны, и прапорщику предстояло передать их на Эзеле вместе со ссыльными. От продажи домов, скота, хлеба, крупных и неудобных к перевозке вещей было выручено 600 руб., часть которых была потрачена на одежду, уплату частных долгов и казенных податей за первую половину 1799 г. (РГАДА 2: 45–45 об.). Павел I хотел не только изолировать их от православных, но и не тратить на их содержание казенных денег.

Губернатор Слободско-Украинской губернии П. Ф. Сабуров в служебном рвении занялся отысканием оставшихся в Салтовом Терновом, Больших Проходах и других селениях духоборцев, и очень быстро там обнаружили еще 103 души. Губернатор спешил избавиться от них, но встал вопрос, куда их сослать. Поскольку на Эзеле места не было, то Павел I, лично вникавший в детали наказания этих сектантов, распорядился найти им место на островах в Балтийском море. Лифляндский и эстляндский генерал-губернатор Л. Т. Нагель (1798–1800), сменивший Н. В. Репнина, 11 июня 1799 г. сообщил в Петербург, что нигде свободной земли нет. 21 июня генерал-прокурор Сената П. В. Лопухин (1798–1799) передал Сабурову волю императора: отправить этих духоборцев в Динаминдскую крепость (затем Усть-Двинская,

ныне Даугавгривская) в работу и содержать их там «под крепким караулом», причем отправить, как и предыдущую группу, с семьями и имуществом (РГАДА 2: 53, 54 об.), хотя было очевидно, что ехали они туда не на поселение, а в заключение.

По тракту Глухов, Стародуб, Витебск 28 июля эта группа, численность которой выросла до 132-х человек, была отправлена под конвоем с тем же прапорщиком Уткиным. Неудобное к перевозке имущество было продано на 2350 руб. (РГАДА 2: 57). Состав этой партии был молодым, и не только за счет большого количества детей: среди взрослых было очень мало людей сорока лет и немного старше.

Пока решали вопрос с отправкой 132-х человек, в первых числах июня 1799 г. в Ригу прибыла партия из Салтового Тернового, увеличившаяся в пути до 56 душ за счет родившихся. В начале июля они добрались до Эзеля, а селить их, как оказалось, было некуда. Л. Т. Нагель предложил платить этим 56-ти ссыльным по 10 коп. в день и дать кусок земли около Арнсбурга. Он полагал, что малое количество земли компенсируется ее близостью к городу, морскому побережью и лесу, и это, по его мнению, будет «весьма удобно для людей, получающих на пропитание деньги» (РГАДА 2: 52, 71).

Никакого ответа из Петербурга на предложение Нагеля не последовало, а вопрос с ссыльными надо было решать. Прибывших приняли в свои дома духоборцы-старожилы. За июнь новой группе выдали из казны по 10 коп, а на выплату за июль денег не было. И опять же собратья-духоборцы согласились «содержать их заимообразно».

Вопрос о содержании новопривывших, которые оказались не такими покладистыми, как их единоверцы из группы Федора Кухтина, тяготил лифляндского генерал-губернатора. Нагель 9 августа 1799 г. попросил генерал-прокурора А. А. Беклешова (1799, 1801–1802), сменившего на посту П. В. Лопухина, испросить повеления Павла I о выдаче присланным 15 семьям духоборцев кормовых денег, но тут же сам в качестве удобного варианта предложил: «<...> поелику оне вообще оказывают много противности и даже дерзости, об употреблении и их как ожидаемых сюда 103-х душ духоборцов же в Динаминской крепости или инде где в работу» (РГАДА 2: 62).

А через четыре дня, 13 августа, Нагель написал вдогонку еще одно письмо в Петербург, в котором сообщил о полученном им донесении директора Эзельской экономии о явившихся еще 1 августа 1799 г. в суд в Арнсбурге недавно прибывших духоборцах, которые «взошед в суд толпой, нечинно требовали кормовых денег». Директор экономии хотел выдать им за июль и август по пять копеек на человека, вместо 10, «но оне не токмо таковых денег принять не хотели, поелику на содержание их недостаточно, но и объявили, что из городу не выйдут, почему принужден он был паки против их употребить команду для отсылки их в свои жительства, и что оне вообще к начальству не почтительны, упрямы, дерзостны и шумственны» (РГАДА 2: 63).

Но это были еще не все новости. В том же письме Нагель сообщил и о духоборцах-старожилах, которые во главе с Федором Кухтиным дерзнули явиться в Эзельскую экономию и подать прошение об отказе от земли. Приводим их прошение полностью в соответствии с оригиналом:

«Небезызвестно оной Экономии что присланы мы в город Арнсбург 1793 года и дана нам, нижеименованным, для пропитания Амбенса мыза с построением, земли, лес и сенокос, которая земля дана нам с лесом и сенокосом для пропитания. Только нам вашей земли со всем с лесом и сенокосом не надобно, потому что она

весьма неуражайная, хотя мы довольно старались около оной вычищать корни, коменя и пахали по четыре раза под хлеб, котораго только получили в 795-м году озимаго жита на душу по две пур с половиною и с того числа на посев употреблено по полторы пур на душу, ероваго по полупуры, почему оная земля нас сорока человек прокормить не может, а об оном мы, нижеименованны[е], бывшем[у] комендантом словесно доносили. А прошлаго 796 года и письменное в Аренбургской нижней земской суд подовали, которой не принял от нас оногo, а отослал, чтобы мы подали бывшему господину вице-губернатору Кампенгаузину, что и учинено было с прошением о даче нам какова ни есть пропитания; но и поныне никакой резерюции (резюлюции. — *С.И.*) не имеем, в чем и претерпеваем великую нужду. В таком случае просим Економию оною мызу с посеенным хлебом отобрать и отдать кому следует, а мы оной содержать уже более не желаем и сеять оной нечим потому что оная нам не удобна, а хотя бы вы дали нам какую и лутчею, то мы оной по здешнему месту обрабатывать не умеем, а нам дайте денное для нашего пропитания и совокупление нас с пригнанными нашими братьями куда следует представить дабы мы впредь таковой нужды не претерпевали» (РГАДА 2: 64–64 об.).

Чтобы понять, насколько мало хлеба приходилось на взрослого человека, вспомним, что Кампенгаузен считал необходимым иметь на работника на год 7 пур — это 21 пуд ржи. В средней полосе России, где основным хлебом была рожь, «для выживания» крестьянин должен был иметь на год на одну душу 16 пудов зерна без учета семян (*Гудков* 2006: 160), а духоборцы за вычетом семян получали на душу 1 пур, т. е. 3 пуда ржи. Количество ярового хлеба за вычетом семян было вообще ничтожно. Духоборцы выживали за счет занятий промыслами, а не за счет земли. Возможно, они бы терпели и дальше, но в 1799 г. истекал льготный от уплаты податей период.

Директор Эзельской экономии еще до подачи ему этого требования признавал, что духоборцы «не могут примениться к тамошней сельской экономии, а потому и не в состоянии доставить себе довольнаго обработыванием земель пропитания <...> многжды уже объявляли экономии, что по таковым причинам принуждены по истечении льготных им дарованным лет от тех земель отступиться <...>» (РГАДА 2: 51–51 об.).

Изложив в письме от 13 августа все эти «буйства» духоборцев, Нагель повторно испрашивал указания, что с ними делать. Беклешов представил императору доклад, в котором описал не только эти конкретные дерзости, но и антигосударственный характер секты духоборцев в целом. Можно было не сомневаться, какая реакция последует со стороны императора. Павел I повелел кормовых денег духоборцам, сосланным на о. Эзель, не давать, а этих 15 семей и тех, которые будут прибывать из Харькова, отправлять в Динаминдскую крепость и употреблять в работы (РГАДА 2: 68).

Группа Ф. Кухтина, отказавшаяся от земли, тоже подпадала под высочайшее повеление о прекращении выдачи кормовых денег. Они попросили разрешения жить в Аренбурге и «питаться ручными работами», т. е. попытались легализовать свое проживание в городе. В сложившейся ситуации разрешения они, очевидно, не получили. В марте 1800 г. четверо духоборцев решили бежать и добраться до Петербурга, чтобы подать прошение об облегчении их положения. Беглецам не удалось далеко уйти: их поймали в Псковской губернии. Эту историю довели до сведения императора, и он повелел: старосту духоборцев, недосмотревшего за отлучившими-

ся, и за «нерадение к крестьянскому быту», наказать 20-ю парами прутьев и всех отослать в Динаминдскую крепость (ОР РНБ: 56 об.).

Духоборцы хотели перед уходом с Эзеля продать дома в Аренсбурге, но Эзельская экономия, памятуя о том, что когда-то они получили от императрицы тысячу рублей на обустройство, не разрешила продажу.

В Динаминдской крепости

В Динаминдскую крепость 16 сентября 1799 г. прибыли 132 человека из Слободско-Украинской губернии, а 19 октября туда же прибыли еще 56 духоборцев (15 семей) с Эзеля. Всех поместили в остроге как секретных колодников. Скученность и плохая пища быстро делали свое дело. К началу декабря, т. е. за два с половиной месяца умерли 26 человек, преимущественно маленькие дети, о чем доносил комендант Динаминдской крепости генерал-майор Л. Шиллинг генерал-прокурору Беклешову рапортом от 3 декабря 1799 г. (РГАДА 2: 70–71). Весной 1800 г. в крепость прибыла с Эзеля группа духоборцев Федора Кухтина.

Военная коллегия решила довольствоваться этих ссыльных провиантом наравне с прочими, очевидно, под «прочими» имея в виду колодников, «смотря по летам их так, чтоб они нужды в пропитании не имели» (РГАДА 2: 72). Колодники в крепости обычно получали 2–3 копейки в день. На выдачу одежды для взрослых существовали нормативы, а вот об одежде для малолетних никаких указаний от Военной коллегии не поступило, поскольку никакие нормативные акты не предполагали заключение малолетних в крепости. А детей и подростков оказалось много: от года до 10 лет мальчиков 21 и девочек 20; а от 10 до 17 лет мальчиков и девочек поровну — по 11 человек. Неспособных к работе по старости и увечью набралось 14 мужчин и женщин. Таких колодников должны были ссылать на поселение в Колу Архангельской губернии или в Иркутск (ПСЗ 18.437: 163). Шиллинг вместе с лекарем освидетельствовали их, но комендант не решился отослать неспособных на поселение, поскольку они были секретными арестантами. Шиллинг не знал, что с ними делать, но был уверен, что даже немощные преступники не должны пребывать в праздности, и попросил указаний у Беклешова.

Генерал-прокурор ожидал, что условия жизни в крепости будут способствовать изменению образа мыслей духоборцев, и 15 декабря 1799 г. поинтересовался у коменданта, не обращаются ли они на путь истины (РГАДА 2: 73). Шиллинг тоже высказывал уверенность, что под влиянием перемен «нельзя сомневаться, чтобы не переменились их вредныя мысли» (РГАДА 2: 74), однако духоборцы оставались при прежних убеждениях.

Вскоре место Шиллинга занял полковник Мороков. В рапорте Беклешову от 10 февраля 1800 г. он признавался, что вместе с прежним комендантом они прилагали усилия по отвращению духоборцев от ереси, и времени последним было дано на это достаточно, «но, — по его словам, — все старания наши были без пользы» (РГАДА 2: 74). Мороков пригласил в Динаминдскую крепость из Рижского духовного правления священника, который два раза увещевал духоборцев, но ни малейшей надежды на исправление так и не появилось.

Сохранилось любопытное свидетельство некоего Афиногена Кузмина, проведенного в Динаминдской крепости год за побег от помещика как раз в то время, когда там

были в заключении духоборцы. Кузмин не помнил фамилии начальника крепости, вспоминая тот период своей жизни, но в его рассказе речь шла именно о коменданте полковнике Морокове, который иногда брал Кузмина в поездки в качестве ямщика. Однажды, когда Кузмин крайне озлобленно высказался о находившихся в крепости иконоборцах (духоборцах) за то, что они «принимают страдание по своей воле», Мороков отозвался: «Глупой ты глупой, может за самое справедливое дело страдают» (*Айвазов 1917: 2*).

Комендант был не первым должностным лицом, кто сочувствовал ссыльным духоборцам. Среди российского дворянства в последнее двадцатилетие XVIII в. появилось много почитателей немецких мистиков, в трудах которых проповедовались идеи об истинном христианстве, внутренней церкви, подражании Христу и т. д. Увлеченные этими идеями, не отвергая православную церковь, такие люди из высших сословий уже не воспринимали ее как единственный путь к спасению.

В рассказе Кузмина обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: даже сторонние люди понимали, что ссылка для духоборцев — это отчасти их добровольный выбор, поскольку у них оставалась возможность в любой момент вернуться на родину, но ценой отказа от своей веры. Готовность страдать за свои религиозные убеждения не только героизировала духоборцев в глазах братьев, но и убеждала сторонних в истинности этих убеждений. Именно это заставило Кузмина после разговора с Мороковым сначала заинтересоваться духоборческим учением, а потом и принять его.

Неизвестно, какие слова нашел новый комендант, чтобы воздействовать хотя бы на тех, кто был не готов «страдать по своей воле», но в какой-то момент в сознании людей все-таки произошел перелом и вскоре один мужчина и девять женщин пошли на пятую.

У двоих женщин из этих девяти на руках были младенцы, один из которых — девочка — родился по пути в ссылку. Духоборцы, отвергавшие церковное крещение, сами дали ей имя Прасковья. Когда же мать ребенка решила вернуться в православие, она пошла в крепостную церковь, где Прасковью окрестили с именем Евдокия. Отношение к женщине со стороны остальных духоборцев сильно ухудшилось, как и к другим, решившимся порвать с сектой.

Самым психологически тяжелым моментом, через который проходили те, кто порывал с духоборчеством, как и с любым еретическим учением, было публичное проклятие ереси в церкви. С колодников, вернувшихся в православие, взяли подписки, что они никогда больше не отпадут в заблуждение, и предупредили, что в противном случае их подвергнут беспощадному наказанию. На самом деле, эти девять женщин и мужчина духоборцами и не были: православные жены по чувству долга последовали в ссылку за мужьями-духоборцами, а преданный сын поехал за своим отцом. Пожив немного в крепости, не будучи убежденными в правильности выбранного пути, они решились навечно разлучиться с родными людьми ради возвращения на родину (РГАДА 2: 74 об., 75). Мороков получил с прежнего места их жительства свидетельства от священников, что все они и раньше соблюдали обряды и церковные установления. Павел I разрешил всем, вернувшимся в православную церковь, ехать, куда они захотят. В последний момент к группе присоединился еще один мужчина, и 4 марта все они получили паспорта на проезд до Харькова.

Этот случай как будто разрушил какую-то невидимую преграду, сдерживавшую колеблющихся. Мороков доносил о них в Петербург и ходатайствовал об освобождении.

дении, а император тут же разрешал и позволял возвращавшимся выбрать любое место для поселения (РГАДА 2: 89, 104, 108). С марта по май на родину уехали 45 человек. После этого поток раскаявшихся резко иссяк. Только осенью 1800 г. о переходе в православие заявили еще трое Блудовых из группы Ф. Кухтина. В ноябре 1800 г. двоих Блудовых по их просьбе отпустили в Аренсбург, а одного в Новороссийск.

В 1799 г. в селах Берека и Старо-Охочее вновь обнаружили 20 духоборцев, но уже было понятно, что Эзель и Динаминдская крепость, как места массовой ссылки сектантов, исчерпали себя, и их отправили на каторгу Екатеринбург.

Окончание ссылки и возвращение на родину

Двенадцатого марта 1801 г. на престол взошел молодой, воспитанный в духе европейского либерализма император Александр I. Всего через три дня, 15 марта 1801 г., он дал указ Сенату об освобождении из заключения людей, дела о которых производились в Тайной экспедиции. В списках этих узников духоборцев не было (ПСЗ 19.784). Видимо, в эти дни рядом с императором оказался кто-то, рассказавший ему о духоборцах, заключенных в Динаминдской крепости и Екатеринбурге; и высочайшим повелением, данным Санкт-Петербургскому военному губернатору фон Палену и гражданским губернаторам от 17 марта, из Динаминдской крепости и Екатеринбурга были освобождены все ссыльные духоборцы (РГАДА 3: 3 об., 6). Отправляли их из ссылки за казенный счет.

Троим казакам — Трубицыну, Паламареву, Перегудову, остававшимся на Эзеле, по ходатайству лифляндского губернатора Х. А. Рихтера было даровано право жить на острове и по-прежнему получать содержание, но не по 10 коп. в день, а по сто рублей в год (27 коп. в день), однако они отказались от милости и вскоре выехали на родину (РГАДА 3: 6).

По материалам А. С. Лебедева, из Динаминдской крепости вернулись 147 человек: в Салтово Терновое 65 человек, в Большие Проходы 43, в Верхнюю Береку 22, в Охочее 9, в г. Славянск 5, в Петровское 3, по другим данным, вернулись 152 человека обоего пола (*Лебедев* 1890: 11; ОР РНБ: 59; РГИА 2: 32 об.).

Первая партия из Динаминдской крепости появилась в Харькове в мае 1801 г. Духоборцы были уверены, что император разрешил им вернуться, так как увидел их невиновность и истинность исповедуемой веры (ГАХО: 16). Возвращение в родные селения не принесло радости: дома были проданы и заняты другими людьми, земля передана односельчанам. В одних селениях сосланные были исключены из оклада, и земля пошла в общий передел, а в других они продолжали числиться в окладе, но подати за них платили те, кому передали их землю. Только жители с. Берека получили назад деньги, вырученные за продажу их имущества (*Савва* 1893: 75).

Односельчане не обрадовались вернувшимся из ссылки недавним соседям. Жители Салтового Тернового не впустили их в когда-то принадлежавшие им жилища, и духоборцы сутки стояли в поле. Потом их все-таки подселили в дома к жившим там новым хозяевам. Атаман, священник и 87 жителей Салтового Тернового 14 июля 1801 г. обратились к слободско-украинскому губернатору с прошением, в котором сообщали, что вернувшиеся в село из Динаминдской крепости и поселенные в дома местных жителей духоборцы по-прежнему не крестятся, оскоромливают детей хозяев и привлекают к своей ереси. Атаман и жители просили удалить их в другое

место, тем более что и сами духоборцы не показывали особенного желания водвориться на прежнем месте. Жители села начали выискивать поводы, чтобы обвинить в чем-нибудь непрошенных гостей: то духоборцы на похоронах шли близ креста в шапках, то начали строить ветряную мельницу слишком близко к церкви (*Лебедев* 1890: 13–14; ГАХО: 1 об.).

Духоборцы, вернувшиеся в Петровское, открыто исповедовали свою веру. Допросы показали, что в вопросе признания царской власти они остались при прежнем мнении. Недружелюбно, с угрозами вечной ссылки встретили бывших односельчан жители Богдановки и Никольского Павлоградского уезда Новороссийской губернии (РГИА 1: 1–1 об., 2). Духоборцы смело говорили о вере, винили односельчан и начальство в своей нищете и всех несчастях и отказывались от уплаты податей, которые с них начали было требовать.

Скорее всего, дело закончилось бы новой ссылкой, если бы в Слободско-Украинскую губернию не приехали из Петербурга сенаторы И. В. Лопухин и Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Лопухин, очевидно, еще до поездки очень интересовался учением и жизнью духоборцев. Он встречался с ними и подолгу беседовал. В двух донесениях императору от 12 ноября и 3 декабря 1801 г. Лопухин изложил свое видение конфликта в очень благоприятном для сектантов свете и приложил прошение духоборцев, написанное на имя сенаторов, но рассчитанное на передачу императору (*Лопухин* 1860: 118–126). Прошение было составлено от имени духоборцев с. Петровского Изюмского уезда Слободско-Украинской губернии за подписью троих казаков, вернувшихся из Аренсбурга, — Трубицына, Паламарева, Перегудова. «Благодарим вначале Господа Бога, так же и царя его, что он нас освободил от тяжелой работы, милостиво рассудя, уподобился Богу <...>» (РГИА 8: 3), — писали духоборцы. Они просили императора освободить и остальных духоборцев, оставшихся еще на Эзеле, в Соловецком монастыре, Коле и в Сибири; отделить их всех от «зловников», которые безвинно притесняют, и поселить в отдельном от православных месте. В письме авторы все-таки постарались снять с себя обвинения в неподчинении власти, возможно, по совету Лопухина. Они писали, что императора за помазанника Божия почитают и подати платить не отказываются, но после ссылки они разорены и платить им нечем. Аналогичные прошения были написаны духоборцами Никольского и Богдановки.

Пока в Слободско-Украинской и Новороссийской губерниях разворачивались эти события, на Эзеле в Аренсбурге все еще оставалась группа духоборцев, о которых император не упомянул в повелении от 17 марта. Комиссия для пересмотра прежних уголовных дел, созданная 15 сентября 1801 г., только в конце года (17 декабря) обсудила вопрос о духоборцах, которым еще в 1781 г. ссылку в Коле заменили на поселение в Аренсбурге. По представлению комиссии они были освобождены и отправлены домой (РГАДА 4: 141). За перешедших в православие братьев Блудовых, тоже пожелавших уехать с острова в Слободско-Украинскую губернию, ходатайствовал перед генерал-прокурором Сената лифляндский губернатор Рихтер. По докладу Беклешова император повелел отправить их на родину. Однако Блудовы, снабженные доверенностями от остальных духоборцев, не могли уехать, не продав дома в Аренсбурге. Полагаем, что их переход в православие был фиктивным, и они были специально отправлены из Динаминда в Аренсбург для продажи домов.

Эзельская экономия не разрешала продажу, поскольку не могла решить, надо ли взыскать с духоборцев тысячу рублей, выданные им когда-то на обзаведение. Рихтер в письме генерал-прокурору от 7 января 1802 г. обратил внимание Беклешова на то, что императрица не упоминала о возврате этих денег, и высказал предложение «им сии деньги оставить для прославления отеческой милости его императорского величества» (РГАДА 3: 10). В Петербурге было решено деньги не взыскивать, поскольку они «потребны будут им паки при новом устройении их хозяйства» (РГАДА 3: 13). Однако и взыскивать было бы все равно нечего: Блудовым не удалось продать все дома, а какие и купили местные жители, выплата денег за них предполагалась частями с дальнейшим переводом хозяевам в места их жительства (*Савва* 1893: 79). По разным обстоятельствам некоторые покупатели так и не заплатили всю сумму. Братья Блудовы выехали в Харьков 22 марта 1802 г.

Проблема возникла с освобождением Т. Сухарева и М. Щирова. Комиссия для пересмотра прежних уголовных дел в декабре 1801 г. рассматривала дела нескольких особенно упорных вероотступников, заключенных в крепостях и монастырях, и, «не видя другого людей сих преступления как токмо одно закоренелое в них по раскольническому суеверию заблуждение», высказала предложение, чтобы архиереи тех епархий, где эти раскольники пребывают, исследовали, не произошла ли в их мыслях перемена, ведущая на путь истины. На основе заключений этих архиереев Синод должен был представить доклад его величеству (РГАДА 4: 128–128 об.).

Комендант Арнсбурга, в присутствии которого священник Николаевской церкви города увещевал Т. Сухорукова и М. Щирова, 17 февраля 1802 г. сообщил архиепископу псковскому и лифляндскому Иринею, что несмотря на неоднократные тщательные увещевания Сухарева, который «совсем в полоумии», и Щирова, который «в совершенном разуме», оба настолько глупы, что «нимало не поняли и не верят, и все Писание пренебрегают, а только говорят: мы безгрешны, и настоят в прежнем своем суевении и упрямстве, а в благочестии нашем быть не желают» (РГИА 5: 10).

Синод собрал сведения обо всех наиболее упорных вероотступниках, и хотя признаков их исправления так и не было обнаружено, но наступила новая эпоха и, чтобы идти с ней в ногу, Синод, «сообразуясь отеческому вашему императорского величества милосердию к отпадшим по стечению случающихся несчастных обстоятельствах в преступлениях», как говорилось в его докладе императору от марта 1802 г., предложил отпустить узников по домам, «предоставя обращение их на путь истины божьему провидению, управляющему сердцами и мыслями человеческими» (РГИА 5: 12). На этом основании отпустили М. Щирова. «Полоумного» Т. Сухарева решено было ради его же блага, чтобы не лишиться пропитания, оставить на казенном содержании на прежнем месте, но уже не как преступника (РГИА 5: 21, 25–26). На свободу из крепости он вышел только в 1808 г. и был отправлен к единоверцам на Молочные Воды (ГАРК: 87 об.). По преданию, сохранившемуся среди потомков Сухарева, вернувшись после 17 лет заключения, Тимофей воскликнул: «Теперь я царь и бог!», и после этого за его семьей закрепилось прозвище — «Царьковы»¹.

¹ Н. И. Сухорев (1959 г. р. Ростовская обл.) пишет об этом семейном предании: «<...> Он отсидел где-то 17 лет в столбе. Так называлась камера содержания, в которой невозможно было лечь и стоять во весь рост. Когда он вернулся домой, то сказал такие слова: “Теперь я царь и бог”. И отсюда стали называть потомков по-уличному Царьковы. Я так думаю, происхождение этих слов таково, что он смог выдержать такие нечеловеческие испытания и не покорился царскому наказанию; он стал как бы на уровень царя. И не предал свою духоборскую веру — стал на уровне бога».

По рескрипту Александра I от 25 января 1802 г. на имя новороссийского гражданского губернатора М. П. Миклашевского началось переселение духоборцев Слободско-Украинской и Новороссийской губерний в Мариупольский уезд Новороссийской губернии¹ на земли по течению речки Молочной или, как ее называли духоборцы, Молочные Воды (ПСЗ 20.123), расположенные на удалении от православных селений. Тем, кто был в ссылке, государь дал пятилетнее освобождение от податей и пособие. Среди таврических духоборцев оказались и некоторые из тех, кто в Динаминдской крепости отрекся от своей веры и вернулся в православие. Духоборческое сообщество простило им эту слабость.

Что же касается тех, кто выдержал всю тяжесть наказания и не отрекся, в секте они получили статус страдальцев, пользовавшихся особым уважением. За исключением Тимофея Сухарева, их имена не сохранились в памяти современных духоборцев, но до сих пор в ней живет героический собирательный образ страдавших за веру предков, вписанный в историю секты.

Заключение

В XVIII в. духоборческая секта пережила несколько разгромов, каждый раз заканчивавшихся наказанием самой активной и убежденной части ее членов. Ссылка харьковских и екатеринославских духоборцев в Лифляндскую губернию была наиболее массовой. Целью ее, как любой ссылки, было наказание вероотступников, изоляция их от православного населения, устрашение усомнившихся в истинности греко-российской церкви.

При Екатерине II система наказаний, особенно касавшихся преступлений в сфере религии, была смягчена, и в вину религиозным диссидентам вменялось не само инакомыслие, а его последствия: разглашение «ложного» учения и соращение других в секту, что нарушало государственные устои и общественный покой. Такой взгляд на преступление отнюдь не отменил стремление государства и церкви ликвидировать «заблуждение» и вернуть отступников на путь церковного благочестия, хотя и менее жестокими методами, чем раньше.

Во время следствия над духоборцами особое внимание каждый раз обращалось на их отношение к царской власти. Заявляя о непризнании над собой земной власти и ее законов, пытаясь получить право на свободное исповедание своей веры, харьковские и екатеринославские духоборцы следовали той же политике, которую провозгласили тамбовско-воронежские духоборцы в 1768–1769 гг. и которая закономерно вытекала из их учения. В последнее двадцатилетие XVIII в., на которое пришла ссылка в Лифляндскую губернию, духоборцы стали более открыто говорить о свободе вероисповедания и выдвигать условия, на которых возможен их договор с государством. По своей сути эти требования носили политический характер, поскольку затрагивали основы государственного устройства. Духоборцы, единственные среди сектантов, претендовали на особый статус среди признанных государством конфессий.

Духоборцы не считались политическими преступниками, но входили в категорию «секретных» и по своему положению в правоприменительной системе стояли

¹ Вскоре в результате нового административно-территориального деления эта территория вошла в Мелитопольский уезд Таврической губернии.

близко к политическим. В отличие от последних, у духоборцев на стадии расследования, после вынесения приговора и даже в ссылке оставался шанс на получение прощения и возвращение на прежнее место жительства.

И этот оставленный им шанс, череда увещаний и расчет властей на то, что они одумаются, придавали ссылке, кроме функций наказания, устрашения и изоляции, еще одну — исправительную. Ее осуществление возлагалось как на местную администрацию, так и на духовных лиц разных уровней. Возможность прощения меняла восприятие наказания, прежде всего, самими «преступниками»: из неотвратимого оно превращалось в осознанный выбор каждого религиозно инакомыслящего человека.

Что касается тяжелых условий, в которых оказались духоборцы в лифляндской ссылке, то причины этого крылись в самой концепции наказания как мести государства за совершенное преступление, в несовершенстве российской пенитенциарной системы; в некомпетентности одних чиновников, принимавших решения, и в равнодушии, нежелании обременять себя проблемами, со стороны других. Однако надо признать, что положение ссыльных духоборцев зависело и от их собственной позиции. Они шли на некоторые допустимые, с их точки зрения, компромиссы с местной администрацией, но в случае давления были готовы оказать организованный отпор, несмотря на последствия.

«Безумный» бунт М. Щирова и Т. Сухарева, с фанатичным упорством отстаивавших свою позицию и отказавшихся от каких-либо компромиссов с властями, был не только проявлением их индивидуального психического склада. Следственные материалы о духоборцах за конец XVIII — начало XIX в. обнаруживают и другие похожие случаи. В основе учения духоборческой секты была вера в Божественное откровение и научение их самим Святым Духом. Поведение этих двоих надо рассматривать как проявление мистической сущности секты.

Опасность оказаться в ссылке, несомненно, сдерживала рост рядов духоборческой секты. Угроза расплаты за отступление от православия довлела над каждым, ставшим на путь поиска иного, внецерковного пути спасения. Для одних наказание становилось проверкой на прочность новых убеждений и готовность пострадать за них, для других — моментом отрезвления и раскаяния. Наказание, независимо ссылка это или тюремное заключение, сыграло роль фильтра, отсекая малoverов, с другой стороны, оно способствовало появлению в секте героев, пострадавших за веру, подпитывало культ мученичества, необходимый для поддержания конфессиональной идентичности и высокого уровня религиозности.

Источники и материалы

Опубликованные источники

Айвазов 1917 — Айвазов И. Г. Материалы для исследования сект духоборцев и молокан. Москва, 1917. 14 с.

Лопухин 1860 — Лопухин И. В. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленная им самим. Лондон: Trubner & C, 1860. 212.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825)

ПСЗ 18.437 — Т. XXV. № 18.437 от 15 марта 1798 г. С. 163.

ПСЗ 19.784 — Т. XXVI. № 19.784 от 15 марта 1801 г. С. 584–588.

ПСЗ 20.123 — Т. XXVII. № 20.123 от 25 января 1802 г. С. 27–28.

Архивные документы

- ГАРК — Государственный архив Республики Крым. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1020.
ГАХО — Государственный архив Харьковской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 56.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F1, 761.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАДА 1 — Ф. 7. Оп. 2. Д. 2849.
РГАДА 2 — Ф. 7. Оп. 2. Д. 3071.
РГАДА 3 — Ф. 7. Оп. 2. Д. 3643.
РГАДА 4 — Ф. 7. Оп. 2. Д. 3704. Ч. 5. Кн. 2.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РГИА 1 — Ф. 468. Оп. 43. Д. 665.
РГИА 2 — Ф. 468. Оп. 43. Д. 679.
РГИА 5 — Ф. 796. Оп. 83. Д. 9.
РГИА 8 — Ф. 1307. Оп. 1. Д. 51.
ЦГИАЭ — Центральный государственный исторический архив Эстонии (Тарту). — Ф. 291.
Оп. 1. Д. 2496.

Научная литература

- Гудков А. Г. Рацион крестьян Русского Севера в конце XVIII — первой половине XIX века // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Вологда, Молочное: Изд. центр Вологодской гос. мол.-хоз. акад., 2006. Ч. 1. С. 159–170.
Лебедев А. С. Духоборцы в Слободской Украине. Харьков: тип. Губ. правл., 1890. 31 с.
Масловский С. Д. Репнин, князь Николай Васильевич // Русский биографический словарь / сост. А. А. Половцев. Москва: Аспект Пресс, 1998. Т. 20. С. 93–118.
Савва В. И. К истории духоборцев Харьковской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1893. Т. 5. Вып. 1. С. 75–81.

References

- Gudkov, A. G. 2006. Racion krest'yan Russkogo Severa v kontse XVIII — pervoj polovine XIX veka [The Diet of the Peasants of the Russian North at the End of the XVIII — First Half of the XIX Century]. *Evropejskij Sever Rossii: traditsiya i modernizacionny'e processy* [The European North of Russia: The Tradition and Modernization Processes], ed. by M. I. Beznin. Pl. 1. Vologda, Molochnoe: Izdatel'skij centr Vologodskoj gosudarstvennoj molochno-khoziaistvennoj Akademiji. 159–170.
Lebedev, A. S. 1890. *Dukhobortsy v Slobodskoj Ukraine* [Doukhobors in Sloboda Ukraine]. Khar'kov. 31 p.
Maslovskij, S. D. 1998. Repnin, knyaz' Nikolaj Vasil'evich [Repnin, Prince Nikolai Vasilyevich]. *Russkij biograficheskij slovar'* [Russian Biographical Dictionary], ed. by A. A. Polovtsev. Moscow: Aspekt Press. Vol. 20. Pp. 93–118.
Savva, V. I. 1893. K istorii dukhobortsev Khar'kovskoj gubernii. In *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshestva* [On the History of the Doukhobors of Kharkov province]. Khar'kov. Vol. 5. Bk. 1. 75–81.